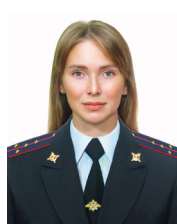

УДК 15

DOI: 10.35750/2713-0622-2025-1-134-146

Механизм противодействия асоциальному явлению в виде навязчивого преследования (сталкинг)

Юлия Александровна Шутова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
yulya.shiganvoa.96@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1943-0820

Аннотация

Введение. В статье рассматривается асоциальная направленность негативного явления в виде навязчивого преследования. Автор обосновывает необходимость своевременного профилактического воздействия на данную форму психического насилия в целях недопущения ее перерастания в уголовно наказуемую угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а далее – в совершение жестоких убийств. **Методы.** Статья основана на материалах собственного социологического исследования, проведенного в форме анкетирования 683 правоприменителей в 8 административных центрах федеральных округов Российской Федерации: Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Екатеринбурге, Пятигорске, Владивостоке (опрошены 60 мировых и районных судей судов общей юрисдикции, 92 сотрудника прокуратуры, 192 следователя органов внутренних дел, 263 дознавателя органов внутренних дел, 27 участковых уполномоченных полиции, 20 инспекторов по делам несовершеннолетних, 29 оперативных дежурных), а также контент-анализе средств массовой информации, в том числе новостных источников сети «Интернет». **Результаты.** Для достижения поставленной цели автором разработан механизм профилактического воздействия, который заключается в признании навязчивого преследования антиобщественным поведением, в принятии изменений по расширению полномочий участкового уполномоченного полиции по проведению индивидуальной профилактической работы в целях возможности вынесения официального предостережения о недопущении продолжения антиобщественного поведения.

Ключевые слова

навязчивое преследование (сталкинг), противодействие, антиобщественное поведение, угроза убийством, участковые уполномоченные полиции, психическое насилие, киберсталкинг

Для цитирования: Шутова, Ю. А. (2025). Механизм противодействия асоциальному явлению в виде навязчивого преследования (сталкинг). *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 134–146. doi: 10.35750/2713-0622-2025-1-134-146.

Mechanism for counteracting the antisocial phenomenon of obsessive stalking

Yulia A. Shutova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

yulya.shiganova.96@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1943-0820

Abstract

Introduction. The article deals with the antisocial aspect of the negative phenomenon of obsessive stalking. The author substantiates the necessity of timely preventive measures against this form of mental violence in order to avoid its transformation into a criminally punishable threat of murder or causing serious harm to health, and their hypothetical development into violent murders. **Methods.** The article is based on the materials of the author's own sociological research conducted in the form of a questionnaire survey of 683 law enforcers in 8 administrative centres of the federal districts of the Russian Federation: St. Petersburg, Moscow, Nizhny Novgorod, Rostov-on-Don, Novosibirsk, Yekaterinburg, Pyatigorsk, Vladivostok (60 justices of the peace and district judges of courts of general jurisdiction, 92 prosecutors, 192 investigators of internal affairs bodies, 263 inquirers of internal affairs bodies, 27 divisional inspectors, 20 juvenile inspectors, 29 operational duty officers were interviewed), as well as the content analysis of mass media, including Internet news sources. **Results.** The author has developed a mechanism of preventive measures, consisting in considering obsessive stalking as antisocial behavior and adopting changes aimed at empowering divisional inspectors to carry out individual preventive work so that they could give a legal warning against continuing antisocial behavior.

Keywords

obsessive stalking, counteraction, antisocial behavior, death threats, divisional inspectors, mental violence, cyberstalking

For citation: Shutova, Yu. A. (2025). Mechanism for counteracting the antisocial phenomenon of obsessive stalking. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (1), 134–146. doi: 10.35750/2713-0622-2025-1-134-146.

Введение

Уголовный кодекс Российской Федерации в качестве приоритетной задачи ставит охрану прав и свобод человека и гражданина¹. Одним из основополагающих благ человека, находящегося под уголовно-правовой охраной, является право на жизнь и здоровье. В пункте 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» закреплено понятие здоровья, из которого следует, что у него есть три ключевых компонента – физический, психический и социальный. Законодатель большое внимание уделяет уголовно-правовой охране физического компонента здоровья, тогда как на психический и социальный компоненты приходится около 50 составов преступлений,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 220-ФЗ. *Собрание законодательства Российской Федерации*, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

причем из главы 16 УК РФ – всего четыре. На противоречия в вопросе равноправной уголовно-правовой охраны физического и психического здоровья обращает внимание Конституционный Суд Российской Федерации, указывая на необходимость оценки не только физического состояния пострадавшего, но и его психического состояния, а также на отсутствие критериев психического расстройства, относящегося к общественно опасным последствиям умышленного причинения тяжкого вреда здоровью². Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что «существующие положения уголовного права оставляют многие из форм насилия, такие как психологическое или экономическое насилие, контролирующее или принуждающее поведение, за рамками уголовно-правовой защиты»³. Как справедливо утверждают Н. А. Вакуленко и М. Г. Ачкасова, «проблема насилия в семье является одной из самых сложных в силу российского менталитета» (Вакуленко, Ачкасова, 2022, с. 91). В свою очередь, В. Ф. Щепельков дополняет, что, «как правило, насилие в семье скрыто от посторонних глаз, поскольку потерпевшие зачастую не передают данные факты огласке» (Щепельков, 2022, с. 100). По этой причине значительное количество фактов психического насилия над личностью остается без должной оценки, а его жертвы – без уголовно-правовой защиты. Кроме того, многие ученые-юристы и представители законодательных органов не уделяют должного внимания изучению навязчивого преследования, предпочитая исследовать проблемы, связанные с насилием в семье в целом (Качаева, Шишкина, 2021; Круковский, Мосечкин, 2020; Van der Aa, 2018). Однако И. В. Афанасьева и В. А. Пимонов считают, что преследование не ограничивается насилием в семье, поскольку в 50 % случаев постоянными преследователями являются бывшие партнеры, включая супругов (Афанасьева, Афанасьев, Пимонов, 2024, с. 69). Интересное исследование было проведено турецкими учеными, которые установили, что 57,7 % юристов подвергались навязчивому преследованию в связи со своей профессиональной деятельностью (Gürgezöglü Yapar & Akça, 2024, с. 21).

Описание исследования

В настоящее время предпринята попытка законодательного регулирования вопроса ответственности за навязчивое преследование. Депутатами Государственной Думы Российской Федерации В. А. Даванковым, С. В. Авксентьевой, К. А. Горячевой 12 декабря 2024 г. внесены законопроект № 795873-8 и материалы к нему, направленные на введение Федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию»⁴. В рамках данного Федерального закона даются определения навязчивого преследования, запрета на приближение, преследователя, жертвы преследования, раскрываются виды навязчивого преследования, а также предлагаются механизм установления запрета на приближение и его процедура. Отметим, что в настоящее время данный законопроект официально не принят, и Комитетом Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции он признан противоречащим ст. 105 Регламента Государственной Думы РФ, поскольку отсутствует заключение Правительства РФ.

Однако негативное явление навязчивого преследования набирает обороты, и это требует своевременной реакции правоохранительных органов на лиц, его совершающих. Различные

² По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 г. № 1-П (2024). *Собрание законодательства Российской Федерации*, № 4, ст. 591.

³ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (подготовлен Верховным Судом РФ) (Документ опубликован не был) (2021). СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8> (дата обращения: 09.01.2025).

проявления навязчивого преследования активно обсуждаются в средствах массовой информации, в том числе в сети «Интернет». Например, в Ивановской области в июне 2024 г. гражданин неоднократно стрелял по окнам квартиры своей бывшей жены, высказывал в ее адрес различные угрозы, в том числе убийством, преследовал на машине, следил на улицах и в торговых центрах, заклеивал замочную скважину, разрисовывал входную дверь. Женщина пять раз обращалась за помощью в различные правоохранительные структуры, однако реакции на негативное явление в виде навязчивого преследования не последовало⁵.

В Санкт-Петербурге 3 января 2025 г. преследователь выстрелил в экс-супругу из автомобиля, когда последняя находилась в своей квартире на проспекте Солидарности. Следователями Следственного комитета Российской Федерации действия виновного были квалифицированы как покушение на убийство⁶. В рамках проверки сообщения о преступлении было установлено, что после развода мужчина морально терроризировал бывшую супругу, применял к ней физическую силу. В 2023–2024 гг. женщина неоднократно обращалась в полицию с заявлениями о поступающих угрозах, но должной реакции со стороны правоохранительных органов не последовало.

На проблему навязчивого преследования обращают внимание органы законодательной власти Российской Федерации. В частности, партия Государственной Думы РФ «Новые люди» запустила проект «Сталкингу.нет», целью которого является законодательное урегулирование вопросов защиты жертв навязчивого преследования путем применения к преследователям временного запрета на приближение к человеку, а также запрет на звонки и сообщения⁷. В настоящее время на данный сайт было подано более 400 заявок граждан о навязчивом преследовании. Например, девушка из Волгограда рассказала, что подвергается преследованию, угрозам жизни и здоровью, избиениям со стороны «поклонника» с 2019 г. Эти жертвы навязчивого преследования обращались в полицию, однако получали постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Полиция ссылалась на отсутствие в КоАП РФ и УК РФ статьи, которая квалифицировала бы указанные деяния как правонарушения. Впоследствии такое процессуальное решение было признано прокуратурой законным и обоснованным. При этом жертва продолжает каждый день чувствовать угрозу своей жизни и безопасности, не имея законных оснований защитить себя от преследователя⁸.

Опасность навязчивого преследования нельзя недооценивать. По данным сайта «Сталкингу.нет», 2680 женщин в 2021 г. и 2022 г. погибли от домашнего насилия и навязчивого преследования. Кроме того, в июне 2024 г. член Общественного совета при МВД России Д. Ю. Второв заявил, что ежегодно от навязчивого преследования страдают сотни жителей⁹. Ситуацию с распространением и новыми способами преследования осложняет развитие информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), СМИ, интернета. В частности, «Лаборатория Касперского» в ежегодном отчете исследовала состояние сталкерского программного обеспечения (далее – ПО), которое используют злоумышленники в целях установления слежки за личной жизнью жертвы без ее ведома. В 2022 г. со сталкерским ПО столкнулись 29 312 уникальных пользователей, а 3333 пользователя ежемесячно становились новыми жертвами

⁵ *Официальный сайт новостей Ивановской области*. URL: <https://www.ivanovonews.ru/reports/1350002/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁶ *Официальный сайт телеканала 78*. URL: <https://78.ru/> (дата обращения: 09.01.2025).

⁷ *Официальный сайт «Сталкингу.нет»*. URL: <https://stalking.newpeople.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁸ *Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности»*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8> (дата обращения: 09.01.2025).

⁹ *Официальный сайт «Лента.ру»*. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/21/raskryto-predpolagayemoe-chislo-zhertv-stalkinga-v-rossii/> (дата обращения: 28.09.2024).

сталкеров¹⁰. «Лаборатория Касперского» отмечает, что сталкерские программы – это новая форма технологического насилия, нередко они являются продолжением психического насилия над жертвой. Описанное подтверждает острую необходимость в законодательном регулировании вопросов противодействия стремительно прогрессирующему негативному явлению в виде навязчивого преследования.

Для уяснения сущности навязчивого преследования следует обратиться к позициям научного сообщества. Ряд авторов под сталкингом понимает поведение, характеризующееся постоянными и повторяющимися попытками нарушения частной жизни, включая нежелательное общение, контакты, в том числе слежку, наблюдение (Melo, 1998, с. 1244). В. Л. Самуткин и Е. Г. Сторубленкова считают, что «навязчивое преследование заключается в повторных и продолжающихся попытках (хотя бы один месяц) навязать другому человеку нежелательное знакомство и (или) контакт» (Сторубленкова, Самуткин, 2017, с. 280). Л. Н. Клоченко под навязчивым преследованием предлагает понимать «психическое воздействие на потерпевшего, совершаемое путем систематических оскорблений, шантажа, демонстраций агрессии или иных действий и причинившее потерпевшему нравственные страдания» (Клоченко, 2019, с. 163). К. А. Барышева полагает, что содержательный компонент навязчивого преследования заключается в продолжительном нежелательном воздействии на жертву (Барышева, 2016, с. 178). На наш взгляд, понятие навязчивого преследования наиболее полно раскрывается в проекте Федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию», согласно которому «под навязчивым преследованием следует понимать неоднократные умышленные слежение и/или ожидание жертвы преследования в местах ее повседневной жизни, неоднократные умышленные попытки установить контакт с жертвой преследования, в том числе посредством телефонных звонков, СМС-сообщений, информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, почтовой переписки, направления любого рода подарков, а также иные действия, причиняющие лицу психоэмоциональное напряжение и/или психические страдания и опасения за собственную безопасность и за безопасность своих близких».

Следует отметить, что в настоящее время происходит трансформация насилия, а именно: физическое насилие уступает место психическому, которое сосредоточено в виртуальной среде. Е. С. Стешич утверждает, что на современном этапе развития общества из-за доминирования массовых коммуникаций наблюдается тенденция усложнения общественных отношений, которая оказывает непосредственное влияние на состояние преступного насилия (Стешич, 2023, с. 113). По мнению А. К. Жаровой, «информационно-психологическое насилие основано на использовании информации и психологических методов причинения вреда психическому здоровью или осуществления контроля над другим человеком. Это может достигаться угрозой распространения ложной информации, запугиванием, шантажом, унижением, манипуляцией и другими способами, которые наносят эмоциональный или психологический вред» (Жарова, 2024, с. 104). Данная закономерность наблюдается в переходе реального преследования в виртуальное, реализуемое в сети «Интернет», в связи с чем учеными стала выделяться новая разновидность навязчивого преследования – киберсталкинг. П. Н. Кобец и К. А. Краснова под киберсталкингом понимают «особую новую форму девиантного поведения, которая не идентична офлайн-сталкингу (вне сети “Интернет”) и означает преследование какого-либо лица с помощью интернета и других электронных устройств» (Кобец, Краснова, 2018, с. 78). Можно констатировать, что навязчивое преследование является разновидностью психического насилия, которое реализуется посредством систематического негативного воздействия

¹⁰ О состоянии сталкерского программного обеспечения в 2022 году. URL: https://media.kaspersky-contenthub.com/wp-content/uploads/sites/58/2023/03/07183404/RU_The-State-of-Stalkerware_2022.pdf (дата обращения: 28.09.2024).

(физического, психического, сексуального, экономического, технологического) на потерпевшего в целях подавления его воли в интересах преследователя.

В век цифровых технологий, широкого развития интернета нельзя игнорировать зарубежный опыт, касающийся правового регулирования вопросов преследования. В 2011 г. вступила в силу Конвенция Совета Европы «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием»¹¹. В результате большинство стран, ратифицировавших данную Конвенцию, закрепили в национальных уголовных кодексах ответственность за преследование. Законодатели иностранных государств, конструируя норму об уголовной ответственности за stalking, использовали два приема. Одни страны в диспозиции нормы прямо прописали общественно опасные деяния, образующие навязчивое преследование, другие же оставили диспозиции «открытыми». Так, страны, которые диспозиции норм о навязчивом преследовании сконструировали «закрытым» способом, в качестве общественно опасных деяний, образующих stalking, прописали следующие: длительная слежка, нежелательные контакты, угрозы убийством (Хорватия, ст. 140 Уголовного кодекса); угрозы убийством, требование встречи, нарушение персональных данных, навязывание общения с помощью средств электронной связи (Чехия, ст. 354 Уголовного кодекса); угрозы убийством, неоправданная слежка (Финляндия, раздел 7а главы 25 Уголовного кодекса); передача угрозы применения силы, лишения жизни, нарушения физической неприкосновенности или здоровья, нарушение конфиденциальности, регулярное приставание (Венгрия, ст. 222 Уголовного кодекса); постоянное домогательство прямым или косвенным способами, провокация страха, угрозы убийством (Португалия, ст. 154-А Уголовного кодекса). На основании сравнительно-правового исследования можно сделать вывод, что в сложном продолжаемом психическом насилии в виде навязчивого преследования (stalking), которое в настоящее время не криминализовано в Российской Федерации, одним из составных действий может выступать уголовно наказуемая угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Член Общественной палаты Российской Федерации Е. Б. Мизулина в ноябре 2020 г. при разработке предложений о криминализации преследования заявила, что одним из альтернативных действий преследователя, наряду с запугиванием и шантажом, может выступать угроза убийством¹². Такой же позиции придерживается А. И. Антипов, полагающий, что ввиду отсутствия отдельной нормы в УК РФ, закрепляющей уголовную ответственность за навязчивое преследование (stalking), отдельные продолжаемые общественно опасные действия могут быть квалифицированы как преступления против личности, например в ситуациях, когда потерпевшему поступают угрозы физической расправы или убийства (Антипов, 2022, с. 175). Кроме того, имеются случаи, когда навязчивое преследование перерастало в продолжаемые угрозы убийством, а далее и в совершение жестоких убийств. Так, в Екатеринбурге 19 мая 2024 г. бывший муж убил девушку, нанеся ей несколько ударов ножом в область груди во дворе дома. После расторжения брака он преследовал ее, приходил к ней на работу, устраивал там скандалы, а также высказывал угрозы убийством¹³. Нами проведено собственное социологическое исследование в форме анкетирования 683 правоприменителей в 8 административных центрах федеральных округов Российской Федерации: Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Екатеринбурге, Пятигорске, Владивостоке

¹¹ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 28.09.2024).

¹² В КоАП и УК предложили ввести новые статьи о травле детей в Сети. Сетевое издание «ВЗГЛЯД.РУ». URL: <https://vz.ru/news/2020/11/19/1071387.html> (дата обращения: 28.09.2024).

¹³ Официальный сайт новостного издания. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27607.5/4933490/> (дата обращения: 28.09.2024).

(опрошены 60 мировых и районных судей судов общей юрисдикции, 92 сотрудника прокуратуры, 192 следователя органов внутренних дел, 263 дознавателя органов внутренних дел, 27 участковых уполномоченных полиции, 20 инспекторов по делам несовершеннолетних, 29 оперативных дежурных). Результаты анкетирования показали, что 55,9 % опрошенных сталкивались с обращениями граждан о навязчивом преследовании, которое выражалось в психическом воздействии на потерпевшего, совершаемом путем систематических оскорблений, шантажа, демонстрации агрессии или иных действий, причинивших потерпевшему нравственные страдания. Также к 47,5 % правоприменителей граждане обращались за помощью по вопросам противодействия навязчивому преследованию в интернете. Кроме того, 82,1 % респондентов считают, что антиобщественное поведение в виде навязчивого преследования является основным криминогенным фактором, способствующим развитию детерминации совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Полагаем, что в настоящее время назрела острая необходимость в выстраивании эффективного механизма профилактического воздействия на инициаторов навязчивого преследования в целях недопущения перерастания некриминализованного явления в уголовно наказуемые деяния.

Основная проблема отсутствия своевременной реакции на навязчивое преследование со стороны правоохранительных органов заключается в его систематическом характере и разнородности асоциальных действий, его составляющих. Отдельные действия могут образовывать составы преступлений, предусмотренных ст. ст. 119, 137, 138, 167, 213 УК РФ. В большинстве случаев по каждому единичному действию, образующему асоциальное явление в виде навязчивого преследования, правоохранительные органы выносят процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления или ввиду малозначительности деяния. В связи с этим правоохранительным органам необходимо устанавливать признак именно систематичности навязчивого преследования, поскольку он увеличивает степень общественной опасности деяния, характерной для преступлений (Огарь, 2022, с. 506). В уголовно-правовой науке трактовки понятия систематичности неоднозначны. В первую очередь, это зависит от применения данного признака к конкретному составу преступления, а также от законодательного разъяснения указанного признака в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (Дашиева, 2024, с. 122). Б. А. Мкртычян под систематичностью предлагает понимать «совершение однородных антиобщественных действий более двух раз в течение одного календарного года» (Мкртычян, 2003, с. 7). З. Р. Ханова трактует признак систематичности как «совершение трех и более внутренне согласованных действий» (Ханова, 2008, с. 5). А. К. Зебницкая полагает, что для признания систематичности необходимо устанавливать наличие как минимум трех действий в пределах календарного года (Зебницкая, 2020, с. 17–19). Однако применительно к навязчивому преследованию при установлении признака систематичности должен учитываться разнородный характер действий, поэтому под систематичностью как признаком навязчивого преследования следует понимать совершение минимум трех однородных или разнородных действий в течение непродолжительного периода времени, но в пределах календарного года.

Опасность игнорирования навязчивого преследования на первоначальном этапе заключается в возможности перерастания негативного воздействия в совершение тяжких и особо тяжких преступлений. На данное обстоятельство указывают также зарубежные ученые (Suzuki, 2024).

На наш взгляд, механизм противодействия должен складываться из двух уровней: негосударственного и государственного. В рамках негосударственного уровня интересным представляется работа некоммерческих организаций, оказывающих помощь женщинам в трудной жизненной ситуации. Среди таких организаций, функционирующих на территории

Санкт-Петербурга, особого внимания заслуживает региональная общественная организация «Полина. Кризисный центр для женщин», которая оказывает помощь на протяжении тридцати двух лет. Нами проведено интервьюирование сотрудников этой организации. Выяснено, что средний возраст женщин, обращающихся за помощью в центр, составляет 28–40 лет. Кризисный центр работает в формате кризисного консультирования, как правило, по актуальной (длящейся на момент обращения) или недавней ситуации насилия в семье. Сотрудники разрабатывают конкретный план безопасности по персонифицированному сценарию насилия. В последнее время насилие в семье носит комплексный характер, что означает сочетание нескольких видов насилия. Чаще всего женщины обращаются с запросами о физическом насилии, изнасиловании, угрозе убийством, преследовании. Для оказания помощи женщинам, оказавшимся в ситуации навязчивого преследования, предлагается комплексная помощь, которая представляет собой психологическую помощь (онлайн-приемная, очные консультации, телефон доверия); юридическую помощь (онлайн-приемная, сопровождение в судах, очные консультации, юридические субботы); дополнительные сервисы (предоставление убежищ, медицинский осмотр, передержка питомцев).

Центр специализируется на помощи женщинам, испытавшим ситуации преследования до полутора месяцев. Именно такие ситуации считаются кризисными и именно в них максимально эффективна парадигма краткосрочного кризисного консультирования, в которой работает центр: анализ ресурсов, составление экстренного плана безопасности (как правило, это телефонная либо онлайн-консультация, а также предоставление доступа и разбор алгоритмов действий согласно характеру ситуации, иногда это прохождение тестов «оценки рисков». Также сотрудники центра оказывают помощь в составлении заявлений в правоохранительные органы, представительстве в суде и правоохранительных органах. Центр работает не только на аудиторию Санкт-Петербурга: за счет хорошей развитости онлайн-платформ и сервисов консультацию по целевым запросам могут получить женщины из разных городов России.

Значимым достижением данной организации служит разработка автоматизированного круглосуточного онлайн-сервиса юридической помощи «П.О.Л.И.Н.А.». Этот сервис помогает жертвам насилия в упрощенном порядке подать заявления в правоохранительные органы и мировые суды. За девять месяцев 2023 г. было осуществлено 124 594 обращения к системе «П.О.Л.И.Н.А.», 73 % из которых – о фактах физического или психического насилия. Отдельный раздел сервиса «П.О.Л.И.Н.А.» занимает информация о навязчивых преследованиях, а также пошаговая инструкция для потерпевшего в случае совершения в отношении него действий, подпадающих под формат stalking.

Государственный уровень профилактики навязчивого преследования должен включать в себя организованную работу правоохранительных органов в лице участковых уполномоченных полиции, поскольку именно они первыми принимают и проверяют заявления или сообщения о преступлении, отнесенном к подсудности органов внутренних дел. В настоящее время нормативными рамками ограничен круг ресурсов действенного реагирования на негативное явление навязчивого преследования. В тех случаях, когда отдельное действие, входящее в состав продолжаемого навязчивого преследования, подпадает под конкретный состав преступления, сотрудники правоохранительных органов указанное деяние квалифицируют по нормам Особенной части УК РФ. Иначе складывается ситуация в тех случаях, когда отдельные действия, представляющие навязчивое преследование, не образуют самостоятельного состава преступления, однако имеют тенденцию к перерастанию в совершение преступлений. Полагаем, в таких случаях необходима своевременная реакция со стороны правоохранительных органов в целях недопущения обозначенного развития ситуации. По нашему мнению, действенной может быть такая форма профилактического

воздействия, как объявление официального предостережения о недопущении продолжения антиобщественного поведения.

Для того чтобы применить данную форму профилактического воздействия, необходимо признать явление навязчивого преследования антиобщественным поведением. На этом этапе обозначенный механизм не реализуется правоохранительными органами, в связи с чем при проверке сообщения о навязчивом преследовании правоприменители выносят решение об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении проверки сообщения о преступлении или административном правонарушении. В целях организации профилактической работы, направленной на пресечение навязчивого преследования, следует внести ряд нормативных дополнений.

Целесообразно дополнить приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» пунктом 50.4 следующего содержания: «о признании действий или бездействия лица антиобщественным поведением», а также пунктом 51.1. – *«Решение о признании действий или бездействия лица антиобщественным поведением принимает участковый уполномоченный полиции, рассматривающий данный материал проверки заявления или сообщения о преступлении с письменного согласия заместителя начальника полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Данное решение оформляется в виде постановления о признании действий или бездействий лица антиобщественным поведением»*. Обозначенное позволит более тщательно рассматривать материалы проверок о навязчивом преследовании и принимать на основании собранных данных аргументированное решение о признании навязчивого преследования антиобщественным поведением.

В пункт «а» ст. 33.3 приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» необходимо внести дополнение *«совершение лицом действий, образующих продолжаемое антиобщественное поведение»*. Такое дополнение позволит расширить перечень тех лиц, с кем участковый уполномоченный полиции вправе проводить индивидуальную профилактическую работу.

Вследствие признания навязчивого преследования антиобщественным поведением, а также включения лиц, его совершающих, в индивидуальную профилактическую работу, на основании ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» становится возможным применять к лицам, совершающим навязчивое преследование, форму профилактического воздействия в виде объявления официального предостережения о недопустимости продолжения антиобщественного поведения. За возможную результативность данной формы профилактического воздействия на лиц, совершающих навязчивое преследование, проголосовали 89 % анкетированных правоприменителей.

Заключение

Рассмотрена необходимость усиления уголовно-правовой охраны психического здоровья личности. Ввиду динамичного развития общественных отношений появляются новые формы психического насилия, которые слабо исследованы учеными, на которые правоохранительные органы своевременно не реагируют. К такой форме относится навязчивое преследование.

На основе контент-анализа средств массовой информации, в том числе новостных источников интернета, была установлена негативная асоциальная направленность навязчивого

преследования, которая усугубляется с развитием ИТС, что влечет появление такой разновидности навязчивого преследования, как киберсталкинг. Компаративный метод позволил раскрыть круг деяний, образующих навязчивое преследование, а также обосновать тезис о том, что к числу таких действий относятся угрозы убийством, что, согласно УК РФ, является преступлением. Обозначенное выявило предикативность навязчивого преследования по отношению к уголовно наказуемым деяниям, вследствие чего подтвердилась необходимость разработки механизма профилактики асоциального явления в виде навязчивого преследования.

Разработанный нами механизм представлен двумя уровнями: негосударственным и государственным. В рамках негосударственного уровня рассмотрен положительный опыт работы региональной общественной организации «Полина. Кризисный центр для женщин», направленный на оказание юридической, психологической и иной помощи жертвам навязчивого преследования.

Государственный уровень представлен оптимизацией работы участковых уполномоченных полиции. В частности, по нашему мнению, будет эффективным по результатам проверки заявления или сообщения о преступлении выносить аргументированное решение о признании навязчивого преследования антиобщественным поведением, что позволит реализовывать в отношении лица, его совершающего, индивидуальную профилактическую работу, а также выносить официальное предостережение о недопущении продолжения антиобщественного поведения. Полагаем, что разработанный механизм профилактического воздействия на асоциальное явление в виде навязчивого преследования позволит реализовывать раннюю профилактику и не допускать перерастание некриминализованного явления в преступление.

Список литературы

- Антипов, А. И. (2022). *Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов*: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург.
- Афанасьева, И. В., Афанасьев, И. В., Пимонов, В. А. (2024). Преследование (сталкерство): формы поведения, типологии, ответственность в зарубежном и российском законодательстве. *Психология и право*, 14 (2), 67–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140205>
- Барышева, К. А. (2016). Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния. *Проблемы в российском законодательстве*, 8, 178–182.
- Вакуленко, Н. А., Ачкасова, М. Г. (2022). Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности. *Юрист-Правоведъ*, 2 (101), 90–95;
- Дашиева, А. Д. (2024). Вопросы определения систематичности при квалификации преступлений. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 6 (118), 121–128. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.118.6.121-128>
- Жарова, А. К. (2024). Информационно-психологическое насилие в уголовном праве. *Информационное общество*, 2, 103–111.
- Зебницкая, А. К. (2020). Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США. *Международное уголовное право и международная юстиция*, 3, 17–19.
- Качаева, М. А., Шишкина, О. А. (2021). Психолого-психиатрические проблемы у женщин жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор). *Психология и право*, 11 (3), 131–155. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110310>

- Клоченко, Л. Н. (2019). *Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Кобец, П. Н., Краснова, К. А. (2018). Об общественной опасности киберсталкинга и необходимости его предупреждения. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, 3 (86), 77–83.
- Круковский, В. Е., Мосечкин, И. Н. (2020). О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России. *Психология и право*, 10 (1), 171–182. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>
- Мкртычян, Б. А. (2003). *Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты*: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск.
- Огарь, Т. А. (2022). Систематичность как критерий увеличения степени общественной опасности деяния принуждения. В *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения)*: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения (Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года, стр. 505–510). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Стешич, Е. С. (2023). Девиантологические аспекты профилактики сексуальных правонарушений, связанных с сексуальным принуждением и домогательством. *Российский девиантологический журнал*, 1, 111–117. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-111-117>.
- Сторубленкова, Е. Г., Самуткин, В. Л. (2017). Сталкинг: синдром навязчивого преследования. *Пробелы в российском законодательстве*, 6, 278–281.
- Ханова, З. Р. (2008). *Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические проблемы*: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Щепельков, В. Ф. (2022). Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы. *Криминалист*, 2 (39), 95–103.
- Gürgezoğlu Yapar, E., & Akça, B. (2024). Stalking: A study on lawyers registered with the Istanbul Bar Association. *Journal of Awareness*, 9 (Özel 2), 21–29. <https://doi.org/10.26809/joa.2517>
- Meloy, J. R. (1998). *The psychology of stalking*. San Diego, California: Academy press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-490560-3.X5018-X>
- Suzuki, T. (2024). A survey on the reasons why victims of stalking did not exhibit help-seeking behavior: a text-mining analysis. *BMC Psychol*, 12, 515. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02035-7>
- Van der Aa, S. (2018). New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 24, pp. 315–333. <https://doi.org/10.1007/s10610-017-9359-9>

References

- Antipov, A. I. (2022). *Ugolovno-pravovoe znachenie ispol'zovaniya sredstv massovoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej pri sovershenii prestuplenij s priznakami prizyvov, skloneniya, nezakonnogo oborota predmetov i materialov*: дис. ... канд. юрид. наук. Saint Petersburg.
- Afanas'eva, I. V., Afanas'ev, I. V., Pimonov, V. A. (2024). Presledovanie (stalkerstvo): formy povedeniya, tipologii, otvetstvennost' v zarubezhnom i rossijskom zakonodatel'stve. *Psihologiya i pravo*, 14 (2), 67–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140205>

- Barysheva, K. A. (2016). Presledovanie kak novyj vid ugovolno-nakazuemogo deyaniya. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 8, 178–182.
- Vakulenko, N. A., Achkasova, M. G. (2022). Aktual'nye statistiko-kriminologicheskie parametry semejno-bytovoj prestupnosti sovremennosti. *Yurist"-Pravoved"*, 2 (101), 90–95;
- Dashieva, A. D. (2024). Voprosy opredeleniya sistemachnosti pri kvalifikacii prestuplenij. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)*, 6 (118), 121–128. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.118.6.121-128>
- Zharova, A. K. (2024). Informacionno-psihologicheskoe nasilie v ugovolnom prave. *Informacionnoe obshchestvo*, 2, 103–111.
- Zebnickaya, A. K. (2020). Nekotorye voprosy pravovoj reglamentacii «bytovogo (domashnego) nasiliya» v Rossii i SSHA. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya*, 3, 17–19.
- Kachaeva, M. A., Shishkina, O. A. (2021). Psihologo-psihiatricheskie problemy u zhenshchin zhertv vnutrisemejnogo nasiliya i ih osobennosti v usloviyah samoizolyacii v rezul'tate pandemii COVID-19 (nauchnyj obzor). *Psihologiya i pravo*, 11 (3), 131–155. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110310>
- Klochenko, L. N. (2019). *Psihicheskoe nasilie: voprosy ugovolno-pravovoj reglamentacii i kvalifikacii*: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow.
- Kobec, P. N., Krasnova, K. A. (2018). Ob obshchestvennoj opasnosti kiberstalkinga i neobhodimosti ego preduprezhdeniya. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 3 (86), 77–83.
- Krukovskij, V. E., Mosechkin, I. N. (2020). O formah nefizicheskogo (psihologicheskogo) nasiliya v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii. *Psihologiya i pravo*, 10 (1), 171–182. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>
- Mkrtychyan, B. A. (2003). *Vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij i inyh antiobshchestvennyh dejstvij: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty*: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk.
- Ogar', T. A. (2022). Sistemachnost' kak kriterij uvelicheniya stepeni obshchestvennoj opasnosti deyaniya prinuzhdeniya. V *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-procesual'nogo prava (Sorokinskie chteniya)*: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora juridicheskikh nauk, profesora, zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zaslužennogo yurista Rossijskoj Federacii Avrutina YUriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya (Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda, str. 505–510). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Steshich, E. S. (2023). Deviantologicheskie aspekty profilaktiki seksual'nyh pravonarushenij, svyazannyh s seksual'nyim prinuzhdeniem i domogatel'stvom. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1, 111–117. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-111-117>.
- Storublenkova, E. G., Samutkin, V. L. (2017). Stalking: sindrom navyazchivogo presledovaniya. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 6, 278–281.
- Hanova, Z. R. (2008). *Vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie antiobshchestvennyh dejstvij: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy*: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow.
- Shchepel'kov, V. F. (2022). Protivodejstvie domashnemu nasiliyu v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy. *Kriminalist"*, 2 (39), 95–103.
- Gürgezoğlu Yapar, E., & Akça, B. (2024). Stalking: A study on lawyers registered with the Istanbul Bar Association. *Journal of Awareness*, 9 (Özel 2), 21–29. <https://doi.org/10.26809/joa.2517>
- Meloy, J. R. (1998). *The psychology of stalking*. San Diego, California: Academy press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-490560-3.X5018-X>

- Suzuki, T. (2024). A survey on the reasons why victims of stalking did not exhibit help-seeking behavior: a text-mining analysis. *BMC Psychol*, 12, 515. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02035-7>
- Van der Aa, S. (2018). New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 24, pp. 315–333. <https://doi.org/10.1007/s10610-017-9359-9>

Информация об авторе

Юлия Александровна Шутова – преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

About the author

Yulia A. Shutova – Lecturer at the Department of Criminal Law of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Cand. Sci. (Jurid.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.01.2025

Одобрена после рецензирования 20.02.2025

Опубликована 28.04.2025

Submitted January 13, 2025

Approved after reviewing February 20, 2025

Accepted April 28, 2025